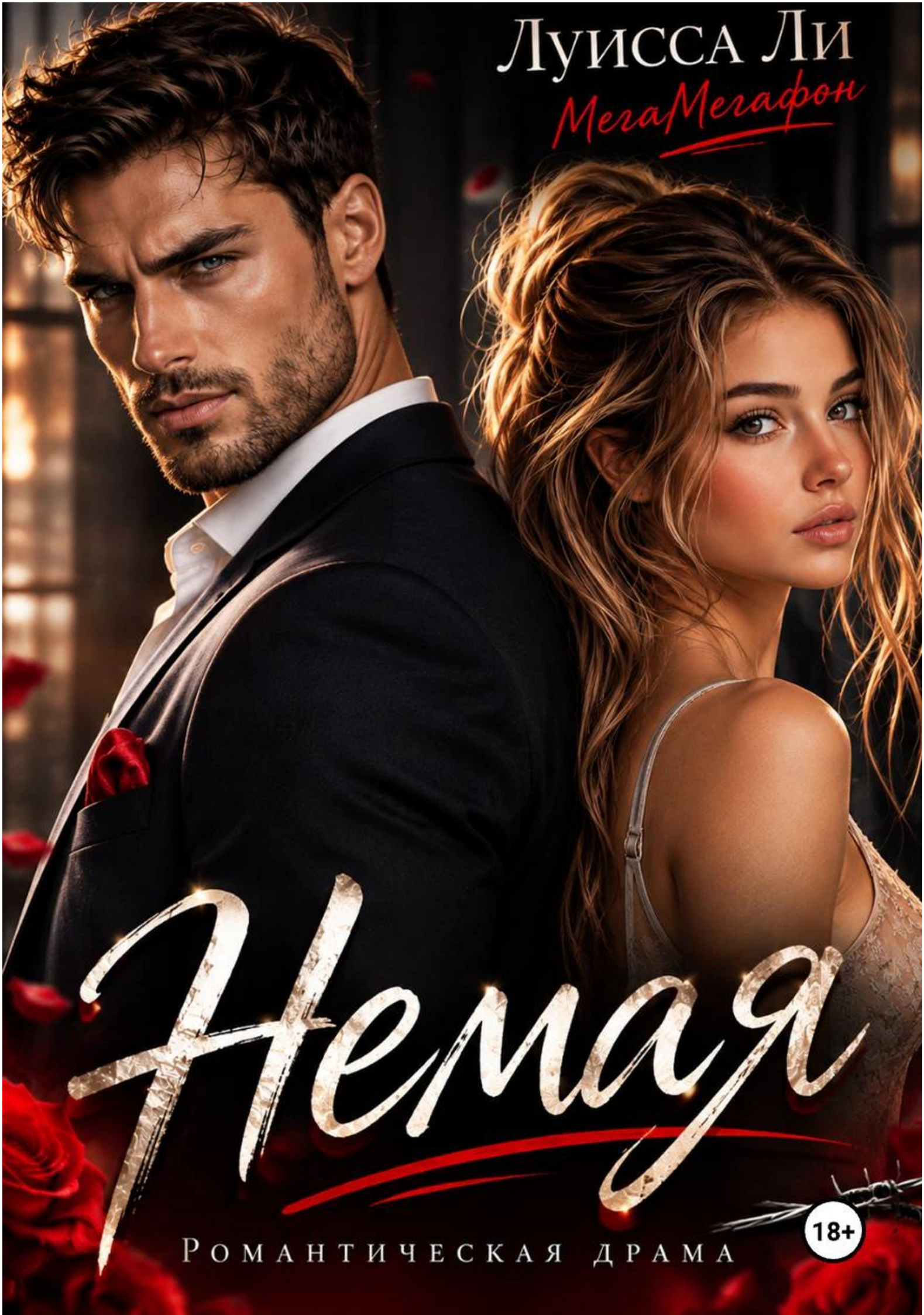

Луисса Ли
МегаМегафон
Немая
Романтическая драма
18+

МегаМегафон

Немая

«Автор»
2026

МегаМегафон

Немая / МегаМегафон — «Автор», 2026

Майя потеряла голос в восемь лет. Аслан — властный, богатый и жестокий мужчина, привыкший получать всё, что пожелает.Их история начинается с ненависти и брака по расчёту. Но никто не подозревает, сколько тайн скрывает молчание этой девушки.Он думал, что немая не сможет ему перечить. Но однажды её молчание разрушит всё, во что он верил.

© МегаМегафон, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

МегаМегафон
Немая

Немая

Глава 1

Золотой зал ресторана «Империал» гудел от сотни голосов. Сегодня Аслан, ненавидел это место больше обычного. Юбилей деда — семьдесят пять лет — собрал всю элиту города. Дед, Харитон Асланович, был тем самым стариком, перед которым заискивали даже министры, и чье слово значило больше любого закона.

Аслан, в идеально сидящем костюме от Brioni, сбежал от назойливых гостей под предлогом срочного звонка. Он стоял на пожарной лестнице, ведущей с черного входа, и слушал нудные отчеты менеджера.

— Я же сказал: купите этот гребаный актив, — цедил он сквозь зубы в трубку. — Мне плевать, что они просят на двадцать миллионов больше. Эти люди — просто мусор, их цена — это то, что я готов за них дать. Понял? Реши вопрос.

Резко развернувшись, чтобы зайти обратно в душный зал, он врезался лбом во что-то твердое, но теплое.

Раздался глухой стук. Аслан выронил телефон и взвыл скорее от ярости, чем от боли.

— Твою мать! — рявкнул он, потирая ушибленный лоб. Перед ним стояла девушка. Худенькая, с большими серыми глазами, в которых плескалась не столько боль, сколько удивление и... вызов? Одета она была строго и дорого, но смотрелась здесь чужеродно.

— Ты смотреть под ноги не пробовала, курица? — рявкнул он, не разбирая, кто перед ним. Девушка молчала. Просто смотрела на него в упор, не извиняясь. — Ты что, немая?! — выплюнул он ей в лицо.

Майя моргнула. Немая. Да, именно так. С восьми лет, после той аварии. Она прекрасно слышала, но голосовые связки... Врачи сказали, это психосоматика, но легче не становилось. Этот наглый красавчик с холодными глазами только что попал в точку, даже не подозревая об этом.

Аслан, не дождавшись ответа, лишь скривился и, подобрав телефон, бросил себе под нос: — Идиотка... — и скрылся в дверях, оставив Майю на лестнице одну.

В зале было душно. Аслан уже пожалел, что вообще приехал. Его посадили за один из центральных столов, рядом с какими-то партнерами деда. Он сел, рассеянно скользнув взглядом по соседям. И тут же поперхнулся виски.

Рядом с ним, ровно в тот момент, когда официант отодвинул ей стул, усаживалась та самая «немая» с лестницы. Девушка, которая, как оказалось, была с родителями — матерью, очень красивой и нервной женщиной, и крупным мужчиной с тяжелым взглядом, которого Аслан знал как владельца сети заводов.

Майя почувствовала его взгляд кожей. Повернула голову и спокойно посмотрела на него. В её взгляде не было ни капли смущения. Аслан усмехнулся уголком губ: «Забавно».

Но забавно стало через минуту. Дед поднялся на сцену, чтобы сказать речь. Аслан, как примерный внук, последовал за ним. Он любил деда, по-своему. Харитон Асланович был единственным человеком, чье мнение для него что-то значило.

Аслан вышел на сцену, встал рядом, слушая привычные поздравления. Вдруг он заметил, что забыл свой телефон на столе. Там, где сидела та девчонка. Телефон лежал экраном вверх, светился. Аслан краем глаза увидел, как её тонкая рука тянется к нему. Она взяла аппарат. Посмотрела на экран, потом подняла голову и встретилась с ним взглядом. В её глазах мелькнуло что-то озорное и мстительное.

Аслан замер. Он уже представлял, как спустится и что сделает с этой нахалкой. Выкинет на улицу без туфель. Заставит извиняться.

Медленно, глядя ему прямо в глаза, Майя опустила его телефон в свой высокий бокал с шампанским. Айфон с тихим «бульк» ушел на дно, пуская пузыри.

Аслан сжал кулаки. Кровь ударила в голову. Он резко дернулся, чтобы сойти со сцены, но в этот момент мощная рука деда легла ему на плечо, удерживая на месте.

— А теперь, дорогие гости, — громкий голос Харитона Аслановича перекрыл гул зала. — Я хочу представить вам человека, который сделал мое семидесятипятилетие по-настоящему счастливым.

Аслан дернулся снова, но дед держал крепко.

— Это событие должно было случиться давно. Я долго выбирал, присматривался. И нашел ту, что сможет стать опорой для мого дерзкого, горячего внука.

Аслан перестал дышать. Он перевел взгляд с улыбающегося деда на стол, где сидела эта ненормальная. Мать девушки сидела с каменным лицом, отчим, наоборот, довольно улыбался, положив руку на спинку стула падчерицы, словно фиксируя её на месте.

— Аслан, знакомься, — дед повернул его лицом к залу. — Это Майя. Твоя будущая невеста. Майя, поднимись к нам, дочка.

Майя, которая только что с наслаждением топила телефон этого хама, побелела так, что стали видны веснушки на переносице. Что?! Она перевела дикий взгляд на отчима. Тот смотрел на неё в ответ тяжелым, стальным взглядом, в котором читалось: «Только попробуй опозорить меня, тварь. Твоя мать заплатит». Рот матери беззвучно шептал: «Иди, иди же...».

Весь зал повернул головы в их сторону. Аплодисменты уже нарастали.

Майя запаниковала. Она попыталась встать, чтобы не идти на сцену, а сбежать. Броситься к выходу. Но стоило ей сделать полшага от стола, как сзади к ней неслышно подошли двое охранников отчима. Один ловко подхватил её под локоть, улыбаясь так, будто помогает даме, второй прикрыл спину. Они мягко, но непреклонно повели её сквозь расступающихся гостей к сцене.

Аслан смотрел на это представление. Смотрел, как эту дикую кошку, которая только что уничтожила его телефон, волокут к нему под ручки, как на заклание. Он снова перевел взгляд на деда. Дед хитро прищурился.

В голове Аслана пронесся вихрь мыслей: «Ты в своем уме, старый? Эту? Немую истеричку?» Но вслух он ничего не сказал. Дед никогда не ошибался в финансовых вопросах. А этот брак, судя по довольной морде отчима-промышленника, был именно финансовым вопросом. Огромным финансовым вопросом.

Майю подтолкнули к ступенькам. Она оказалась лицом к лицу с Асланом. Её трясло от злости и страха. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах больше не было ни злости, ни насмешки. Там был холодный, расчетливый интерес хозяина, получившего новую, очень проблемную, но чертовски дорогую игрушку.

— Поздравляю нас, — одними губами, беззвучно, чтобы не слышал дед, произнес Аслан. — Немая, значит? Это даже удобно. Меньше будет врать.

Майя расширенными глазами смотрела на него. Она не могла говорить. Она даже закричать не могла. А вокруг гремели аплодисменты, и дед, довольный, соединил их руки.

Майя поняла: ее личная авария, разделившая жизнь на «до» и «после», только что случилась снова.

Глава 2

Аплодисменты. Улыбки. Вспышки камер.

Аслан стоял на сцене, чувствуя, как тонкие пальцы в его руке дрожат. Он покосился на Майю. Бледная, глаза огромные, смотрит в одну точку. Красивая. Жалкая. Чужая.

— Поздравляем молодых! — гремело из колонок.

Он разжал пальцы. Она убрала руку. Ни слова. Ни взгляда.

Через час, когда гости разошлись по залу, он нашёл её в углу у окна. Стоит одна, смотрит в темноту.

— Значит так, — подошёл он близко, почти вплотную. Голос тихий, холодный. — Я не знаю, что за игру затеял твой отчим и мой дед. Но ты теперь моя невеста. Будешь жить в моём доме. Будешь делать, что скажу. Вопросы?

Она медленно повернулась. Посмотрела снизу вверх. Потом достала из кармана маленький блокнот, написала и развернула.

«Я буду жить в твоём доме. Буду молчать. Буду делать вид, что меня устраивает этот цирк. Но командовать мной будешь не ты. И не отчим. Ясно?»

Он прочитал. Усмехнулся.

— Дерзкая, значит. Посмотрим, как ты запоешь через месяц.

Она забрала блокнот, дописала и снова протянула.

«Я не пою. Я немая. Ты забыл?»

Аслан сжал челюсть. Внутри что-то кольнуло. То ли злость, то ли... нет, только злость.

— Иди в машину, — бросил он и ушёл.

Первая брачная ночь. Особняк Аслановых.

Свадьба отгремела. Гости разъехались. Зарина Каримовна демонстративно ушла к себе, даже не взглянув на невестку.

Аслан вошёл в спальню. Майя сидела на краю огромной кровати в шёлковой сорочке, сжавшись в комок. В руках блокнот. Она подняла на него глаза — в них не было страха. Только усталость и настороженность.

Он остановился в дверях. Снял пиджак, повесил на стул. Подошёл к бару, налил виски. Выпил залпом.

— Не бойся, — сказал он, не глядя на неё. Голос ровный, без эмоций. — Я не трону тебя.

Она не шелохнулась. Только сжала блокнот сильнее.

— Мне интереснее с женщинами, которые меня хотят, — продолжил он, поворачиваясь к ней. Взгляд холодный, оценивающий. — А ты... — он сделал паузу, — ты не женщина. Уж тем более не желанная.

Она смотрела на него несколько секунд. Потом опустила глаза. Ни слез, ни обиды. Только кивнула. Один раз. И убрала блокнот на тумбочку.

Аслан ждал. Сам не зная чего. Слез? Истерики? Ещё одной дерзости?

Она легла на самый край кровати, отвернулась к стене и накрылась одеялом.

Он постоял ещё минуту. Потом вышел, хлопнув дверью.

В кабинете он налил ещё виски и долго смотрел в окно.

«Правильно сделал. Поставил на место. Пусть знает», — думал он.

Но почему-то не уходило из головы, как она кивнула. Спокойно. Приняла. Будто он сказал не "ты мне не нужна", а "завтра будет дождь".

«Странная», — подумал он и выпил ещё.

Месяц после свадьбы. Холодное сосуществование.

Они почти не виделись.

Аслан уезжал рано утром, когда она ещё спала. Возвращался за полночь — в её комнате свет уже был потушен. Иногда он замечал на кухне остывший ужин, накрытый тарелкой. Для него. Она не оставляла записок. Просто ставила еду в микроволновку и уходила.

Зарина Каримовна делала своё дело тихо, без свидетелей.

— Ты суп пересолила, — говорила она за завтраком, если Майя выходила к столу. — Ты полы плохо вымыла. Ты в моём доме, между прочим. Хоть бы спасибо сказала, что терплю тебя, немую.

Майя молчала. Кивала. Убирала за собой. Уходила в комнату.

Ни разу она не подошла к Аслану. Ни разу не пожаловалась. Ни разу не написала ему ни слова с того первого вечера.

Он замечал, что мать иногда говорит колкости. Но не лез. «Не моё дело. Бабы сами разберутся».

Случай в городе.

Аслан сидел в ресторане с женщиной. Высокая брюнетка, длинные ногти, дорогие часы. Она смеялась его шуткам, касалась его руки, строила глазки.

Он уже почти забыл, что у него есть жена.

И вдруг увидел её.

Майя стояла у входа с какими-то бумагами — видимо, отчим загрузил поручениями. Она смотрела прямо на него. И на брюнетку. И на то, как брюнетка гладит его по руке.

Их взгляды встретились на секунду.

Майя отвернулась. Спокойно развернулась и вышла на улицу. Даже плечи не дрогнули.

— Ты чего замер? — спросила брюнетка.

— Ничего, — ответил Аслан, провожая взглядом стеклянную дверь. — Продолжим.

Но внутри шевельнулось что-то неприятное.

Вечером он приехал домой поздно. В её комнате горел свет. Он прошёл мимо, но замер у двери. Тишина. Ни звука.

«Может, постучать? — подумал он. — Сказать, что это не то, что она подумала?»

Он усмехнулся своей глупости и пошёл в кабинет.

«Какая разница, что она подумала? Она мне никто. И она даже не показала, что видела. Значит, плевать. Или планирует что-то? Отчим её точно просто так замуж не отдавал. Надо присмотреться».

Наблюдение.

С этого дня он начал замечать.

Она почти не выходила из комнаты. Завтракала, когда все уже уехали. Обедала одна. Горничная говорила, что она целыми днями читает или смотрит в окно.

Один раз он вернулся днём — забыл документы. Поднялся на второй этаж и услышал тихий звук. Он замер.

Плач. Тихое, сдавленное, почти беззвучное всхлипывание. Из её комнаты.

Он постоял минуту. Рука сама потянулась к двери. Но он отдёрнул.

«Не лезь. Может, специально. Хочет, чтобы ты пожалел. Чтобы втёрлась в доверие. А потом ударит, где больнее. Отчим её — конкурент. Она — его оружие. Не будь идиотом».

Он ушёл, так и не постучав.

Но в машине весь день думал об этом звуке. Так плачут, когда никто не видит. Когда некому пожалеть.

«Или когда играют на жалость», — отрезал он внутренний голос. Но тот звук не шёл из головы.

Ночь на кухне.

Аслан вернулся в час ночи. Дом спал. Он прошёл на кухню за водой и замер в дверях.

Она сидела на подоконнике.

Большая футболка, босые ноги, коленки поджаты к подбородку. Луна светила в окно, делая её силуэт почти прозрачным. Она смотрела в небо и не слышала, как он вошёл.

Он хотел уйти. Но ноги не слушались. Слишком красивая. Слишком чужая. Слишком... живая.

Она почувствовала взгляд, повернулась. В глазах испуг — на секунду. Потом узнавание. И пустота.

— Не спишь? — спросил он тихо, проходя к холодильнику.

Она покачала головой.

Он налил воды. Сел за стол. Молчал.

Потом спросил, глядя в стакан: — Чего сидишь одна в темноте?

Она не шелохнулась. Тогда он поднял глаза: — Что ты там увидела?

Она посмотрела на окно. Потом на него. Наклонилась и медленно, осторожно выдохнула на холодное стекло. Когда появился туман, пальцем написала одно слово:

ЛУНА

Он смотрел, как буквы тают на стекле. Перевёл взгляд на неё. Она снова уставилась в окно.

Они сидели молча. Минута. Две. Пять.

В доме было тихо. Только холодильник гудел где-то в углу.

Аслан смотрел на её профиль. Тонкая шея, спутанные волосы, ресницы, которые чуть дрожали. Она даже не пыталась заговорить. Не писала в блокнот. Не строила глазки. Просто сидела и смотрела на луну.

Он вдруг понял, что не знает, о чём она думает. Совсем. Она была закрыта, как сейф с чужим кодом.

— Слушай, — сказал он вдруг. Сам не ожидал, что скажет. — Если тебе что-то нужно от меня... говори.

Она медленно повернула голову. Посмотрела долгим взглядом. Потом чуть заметно покачала головой. Нет. Ничего не нужно.

Он кивнул. Встал.

— Если вдруг что... — он замялся, — ты знаешь, где я.

Она не ответила. Только снова отвернулась к окну.

— Иди спи, — сказал он и вышел.

В коридоре остановился. Прислонился лбом к стене.

«Зачем я это сказал? — думал он. — Зачем предложил помощь? Она же враг. Или нет? Чёрт. Совсем запутался. Но она... она не играет. Похоже, не играет».

В ту ночь он долго не мог уснуть. Всё смотрел в потолок и видел перед собой её профиль на фоне луны.

А она так и просидела на подоконнике до рассвета. Одна. Смотрела, как тает ночь.

И ни разу не обернулась на дверь, за которой он ушёл.

Глава 3

Тогда. Восемь лет назад.

Я помню запах бензина и разбитого стекла. Помню, как мамин голос прорывался сквозь звон в ушах: «Майя! Майя, ты слышишь меня?!»

Я слышала. Я всё слышала. Но когда открыла рот, чтобы ответить, из горла вырвался только хрип.

Врачи говорили про шок, про психосоматику, про то, что «пройдёт со временем». Мама сидела у моей больничной койки и гладила по голове. А через месяц привела его.

Высокий, тяжёлый взгляд, дорогой костюм. Он осмотрел меня, как осматривают мебель перед покупкой.

— Немая, значит, — сказал он маме. — Даже лучше. Меньше языком трепать будет.

Мама улыбалась сквозь слёзы. Она хотела верить, что этот человек даст нам крышу над головой и кусок хлеба. Она не понимала, что продаёт меня в рабство за возможность не работать.

Перед тем как мы переехали к нему, мама завела меня в ванную и включила воду, чтобы никто не слышал.

— Майя, доченька, — шептала она, сжимая мои руки до боли. — Ты должна молчать. Слышишь? Всегда молчать. Ты теперь не можешь говорить, поняла? Врачи сказали — не можешь. Никогда.

Я смотрела на неё и не понимала. Я чувствовала, что могу. Я чувствовала, что если очень захочу — закричу. Связки болели, но они были живы.

— Если ты заговоришь, — мамины глаза стали чужими, безумными, — он нас выгонит. Он нас на улицу вышвырнет. Ты хочешь на улицу?

Я покачала головой.

— Вот и молчи. Ради меня. Ради нас. Молчи. Всегда.

Я кивнула.

Я научилась молчать так, что сама себя не слышала.

Отчим.

— Ты будешь моими ушами и глазами, — сказал он мне через неделю после свадьбы с мамой. Мы сидели в его кабинете. Мама ждала за дверью.

Я смотрела на него. Мне было одиннадцать.

Он подвинул мне блокнот и ручку.

— Ты будешь жить. Ты будешь слушать. Ты будешь смотреть. И ты будешь рассказывать мне. Всё. Каждый разговор. Каждую бумагу. Каждую слабость. Ты мне должна, поняла? Я дал вам крышу, я кормлю твою мать. Ты мне должна хотя бы это.

Я написала: «Хорошо ».

Он усмехнулся: — Умная девочка. Не разочаруй меня.

Я не разочаровала. Я научилась ненавидеть. Его. Маму за слабость. Себя за то, что не могу ничего изменить.

А потом появился Аслан.

Первая встреча. Лестница в ресторане.

Я знала, что сегодня важный день. Отчим трясся надо мной, как над драгоценностью, весь вечер поправлял мне платье, шипел: «Не опозорь, не опозорь». Я не понимала, что происходит. Меня просто привезли, нарядили и велели сидеть ровно.

Я вышла подышать. На лестнице было прохладно, пахло сыростью и свободой. Я закрыла глаза на секунду.

И тут — удар.

Лоб в лоб. Звон в голове, искры из глаз. Я отшатнулась и увидела ЕГО.

Высокий. Злой. Красивый той хищной красотой, от которой внутри всё сжимается. Он выругался — грязно, зло. Потом посмотрел на меня и сказал то, что резануло по живому:

— Ты что, немая?!

Я замерла. Он не знал. Он просто попал в точку, сам того не ведая. Но это было как пощёчина. Как напоминание: ты никто. Ты та, кто не может ответить.

Он ушёл, бросив «идиотка» себе под нос. А я стояла и смотрела ему вслед. Внутри кипела ненависть. Чистая, горячая, спасительная.

«Ненавижу тебя, — думала я. — Ненавижу за то, что ты прав. Я немая. Я никто. Но ты ещё пожалеешь».

Ресторан. Телефон в бокале.

Когда его посадили за наш стол, я чуть не рассмеялась. Судьба издевалась.

Он даже не смотрел на меня. Сидел, уткнувшись в телефон, пока его дед говорил речи. А потом оставил этот телефон на столе и ушёл на сцену.

Я смотрела на светящийся экран. В голове стучало: «Он назвал тебя идиоткой. Он даже не извинился. Он смотрел на тебя как на пустое место».

Рука сама потянулась к телефону. Я взяла его. Посмотрела на сцену. Он стоял там, красивый, надменный, уверенный в своей безнаказанности.

Наши взгляды встретились.

Я смотрела ему в глаза и медленно, очень медленно опустила его драгоценный телефон в бокал с шампанским. Пузырьки побежали вверх. Экран погас.

В его глазах вспыхнуло такое бешенство, что на секунду мне стало страшно. А потом пришло удовлетворение. Чистое, сладкое.

«Вот тебе, — подумала я. — За "немую". За "идиотку". За всё».

А через минуту дед объявил, что я его невеста.

Сцена. Объявление.

Я думала, это сон. Кошмар. Бред.

Дед говорил что-то про любовь, про семью, про будущее. А я смотрела на Аслана и видела в его глазах ту же ярость, что и минуту назад. Только теперь она была приправлена чем-то ещё. Обречённостью? Злостью на деда? Безразличием ко мне?

Он взял меня за руку. Пальцы холодные, сильные, чужие.

Аплодисменты. Улыбки. Мама в зале кусает губы. Отчим довольно щурится.

Я поняла всё. Это была сделка. И я в ней — товар.

Он наклонился ко мне и прошептал в ухо: — Терпи. Потом поговорим.

Я даже не кивнула. Просто смотрела вперёд.

Внутри не было страха. Только пустота и знакомая тяжесть. Ещё один человек, который будет мной командовать. Ещё один хозяин.

«Ну давай, — подумала я. — Попробуй. Я уже мертва внутри. Что ты мне сделаешь?»

Первая брачная ночь.

Я сидела на краю кровати в чужом доме и ждала.

Когда он вошёл, у меня внутри всё сжалось. Высокий, в расстёгнутой рубашке, пахнет виски и дорогим парфюмом. Он не смотрел на меня. Налил себе выпить. Выпил.

А потом сказал то, что я запомню навсегда:

— Не бойся. Я не трону тебя. Мне интереснее с женщинами, которые меня хотят. А ты не женщина. Уж тем более не желанная.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то ломается. Не от обиды. От усталости.

«Я знаю, — хотелось ответить ему. — Я знаю, что я никто. Мне это говорили всю жизнь. Ты ничего нового не сказал».

Но я не написала. Просто кивнула. Легла на самый край кровати и отвернулась к стене.

Он ушёл.

Я лежала и смотрела в стену. Слёзы пришли не сразу. Сначала была пустота. Потом тихие, сдавленные рыдания в подушку, чтобы никто не услышал.

«Я не женщина, — стучало в голове. — Я не нужна. Я чужая. Я никто».

Я плакала долго. А потом просто уснула. Потому что просыпаться всё равно придётся. И жить как-то надо.

Месяц после свадьбы.

Он почти не появлялся.

Утром я просыпалась — его уже не было. Вечером засыпала — он ещё не пришёл. Иногда я оставляла ему ужин. Он не благодарил. Просто съедал, судя по пустым тарелкам утром.

Его мать... Зарина Каримовна. Она ненавидела меня с первого взгляда.

— Ты опять здесь ходишь? — шипела она, если мы сталкивались на кухне. — Нашла место. Сидела бы в своей комнате, не мозолила глаза.

Я молчала. Кивала. Уходила.

Она не знала, что я слышу каждое слово. Что каждое "немая тварь" и "обуза" врезается в сердце, как нож. Но я не жаловалась. Кому жаловаться? Её сыну? Который меня даже не замечает?

Иногда я думала: «Может, оно и к лучшему. Пусть не замечает. Пусть оставит в покое. Я привыкла быть одна».

Но по ночам, когда никто не видел, я плакала. Тихо, в подушку, чтобы горничная не услышала. Чтобы стены не выдали.

Я не знала, чего хочу. Чтобы он пришёл? Чтобы заметил? Чтобы ударил? Чтобы обнял?

Я ничего не знала. Только смотрела на луну и считала дни до того момента, когда всё это кончится. Или я кончусь.

Ресторан. Она.

Я увидела их случайно.

Зашла по поручению отчима в ресторан и замерла у входа. Он сидел за столиком с ней. С длинной, красивой, ухоженной. Она смеялась, трогала его руку, заправляла волосы за ухо.

Настоящая женщина. Не то что я.

Он улыбался ей. Смотрел на неё. Я никогда не видела, чтобы он так смотрел на меня.

Наши взгляды встретились на секунду.

Я отвернулась первой. Вышла на улицу, вдохнула холодный воздух и пошла дальше по делам. Как ни в чём не бывало.

Сердце колотилось где-то в горле. Но я не плакала. Не имела права.

«Он же сказал, — думала я. — Я не женщина. Он не хочет меня. Чего ты ждала, дура?»

В ту ночь я опять сидела на подоконнике и смотрела на луну. Она хотя бы не обманывала. Светила всем одинаково. И тем, кого любят. И тем, кто никому не нужен.

Ночь на кухне.

Я не слышала, как он вошёл.

Просто почувствовала взгляд. Обернулась — стоит в дверях. Смотрит.

— Не спишь? — спросил тихо.

Я покачала головой.

Он прошёл, налил воды, сел за стол. Молчал. Я отвернулась к окну. Не хотела, чтобы он видел мои глаза. Там, наверное, всё написано.

— Чего сидишь одна в темноте? — спросил вдруг. — Что ты там увидела?

Я посмотрела на луну. Потом на запотевшее стекло. Наклонилась, выдохнула и пальцем написала одно слово:

ЛУНА

Он читал. Молчал долго.

Мы сидели так минут пять. Может, десять. Впервые за всё время рядом, и не хотелось убегать. Не хотелось писать злые слова. Просто хотелось, чтобы кто-то был рядом. Даже он.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Если тебе что-то нужно от меня... говори.

Я повернулась. Посмотрела в его глаза. Тёмные, усталые. В них не было злости. Не было жалости. Просто... вопрос.

Я покачала головой. Нет. Ничего не нужно.

Он кивнул. Встал.

— Если вдруг что... ты знаешь, где я.

Я снова отвернулась к окну. Услышала, как его шаги затихают в коридоре.

Он ушёл.

А я сидела и смотрела, как буква «Л» тает на стекле. Как всё в этой жизни тает. Любовь? Ненависть? Надежда?

Я не знала, что чувствую к нему. Ненависть прошла. Осталась пустота. И где-то глубоко-глубоко — маленький, глупый росток. Который хотел верить, что он не просто так спросил. Не просто так пришёл.

Я раздавила этот росток. Сама. Как учила себя годами.

«Не надейся, Майя. Ты никто. Ты просто немая кукла в чужой игре. И он тебе ничего не должен. И ты ему — ничего».

Я просидела до рассвета.

А утром опять надела маску. Спокойную, холодную, чужую.

Никто не узнает, что я чувствую на самом деле. Никогда.

Глава 4

Обед. Сад. Качели.

Я приехал домой среди бела дня. Забыл долбаную синюю папку с контрактами — дед убьёт, если не подпишем сегодня. В доме тихо, мать на каких-то своих процедурах, прислуга по углам.

Я уже вышел во двор из машины и вдруг увидел её.

Она сидела на старых качелях, которые ещё мать ставила, когда мне было десять. Белая рубашка, волосы собраны небрежно, ноги босые, упираются в землю, чтобы не качаться. В руках — этот её дурацкий блокнот. Она что-то писала, склонив голову, и не слышала, как я подошёл.

Я остановился в паре метров. Солнце светило ей в спину, делая рубашку почти прозрачной. Худенькая, тонкая, как тростинка. Вдруг она почувствовала взгляд, дёрнулась и быстро, почти испуганно засунула блокнот под себя, на качели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.